

Секретарь Цяо всю ночь напролет собирал как можно больше эскизов и публикаций Фан Ичэня и главного дизайнера Лю, аккуратно разложив их на столе Сян Цзиньюаня. Приведя себя в порядок, Сян Цзиньюань, как и обещал, принялся дотошно, штрих за штрихом, сравнивать работы.

Просмотрев все творения Фан Ичэня за последние годы, он всё яснее осознавал уникальность его стиля. Казалось, каждый штрих был продуман до мелочей: изгибы линий, точки перелома, узоры и даже мельчайшие детали создавали ощущение чего-то неожиданного, но при этом абсолютно логичного. Это позволяло ему гармонично вписываться в общую среду, оставаясь при этом самобытным творцом, не похожим на других.

Что же касается главного дизайнера Лю, хотя в молодости он и создал немало впечатляющих работ, с годами его талант померк на фоне молодых дарований. При сравнении становилось очевидно, что в поздний период он уже не справлялся с прежней планкой. Но даже в пору своего расцвета его техника и стиль кардинально отличались от стиля Фан Ичэня.

Потратив почти целый день, Сян Цзиньюань наконец расставил всё по своим местам. Он достал из ящика стола несколько работ, подписанных именем Фан Ичэня, и уголки его губ тронула ироничная усмешка.

— А-Цяо, позови ко мне главного дизайнера Лю. Пусть захватит свои эскизы, скажи, что я хочу дать ему пару советов.

Глаза к вечеру устали, и в ожидании гостя он невольно прикрыл веки, слегка массируя их кончиками пальцев.

— Господин Сян, главный дизайнер Лю пришел, — секретарь Цяо постучал в дверь и сглотнул, глядя на ничего не подозревающего дизайнера.

— Войди.

Проработав здесь почти десять лет, господин Лю стал свидетелем роста филиала Цинъюнь и карьеры президента Сян Циншаня. Он искренне восхищался главой компании за его выдающиеся способности и художественный вкус, за строгость и достоинство, несмотря на молодость. Однако новый президент, младший господин из семьи Сян, казался ему человеком, который лишь играет в прятки. Хотя тот и провернул несколько крупных сделок, реального вклада в повышение качества дизайна не было, и, честно говоря, в глубине души Лю его не признавал.

Но стоило ему встретиться с Сян Цзиньюанем лично, как всё высокомерие мигом улетучилось.

Дело было не только в его внешности и холодной резкости взгляда, но и в ауре, которая разительно отличалась от энергетики Сян Циншаня. Сян Циншань был строг и суров, но его разум всегда преобладал над эмоциями, а значит, его поступки были предсказуемы. А вот

младший господин Сян был иным: он был полон загадок и непредсказуемости. Казалось, он мог в любую секунду переключиться с холодного расчета на яростную бурю, и невозможно было предугадать его следующую реакцию. Сейчас господин Лю внезапно осознал, что вряд ли выдержит последствия его гнева.

Скорее, чем уважение, он ощутил животный страх.

Подавив беспокойство, он нацепил на лицо подобострастную улыбку и приготовился слушать.

Сян Цзинъюань даже не взглянул на него, лишь жестом велел отдать эскизы.

Как он и предполагал, в этих работах, которые получили одобрение, не было никаких следов правок. Сян Цзинъюань снова внимательно всмотрелся в них и вдруг заметил, что узор на брючине и расшитой обуви в одном из эскизов складывается в распутившуюся розу.

Он замер, затем невозмутимо отложил бумаги и улыбнулся:

— Господин Лю, я очень доволен вашими работами. Особенно... — он символически указал на какой-то участок, изображая крайнее восхищение, — этот второй эскиз. Роза на брючине просто великолепна, вы настоящий мастер.

Главный дизайнер Лю явно опешил, но быстро взял себя в руки:

— Благодарю за похвалу, господин Сян. На самом деле, это минутное вдохновение. Мне показалось, что роза выглядит ярко и нарядно, она отлично подходит к теме, подчеркивая роскошь, что так нравится женщинам...

— Вот как, — задумчиво кивнул Сян Цзинъюань, впиваясь в него цепким взглядом, — а мне показалось, что в дизайне господина Фана это была вовсе не роза.

Лицо господина Лю вмиг побелело, но он попытался сохранить невозмутимость и нервно усмехнулся:

— Розы и чайные розы принадлежат к одному семейству, они очень похожи. К тому же, я рисовал сам, неудивительно, что формы схожи. Но у каждого свой взгляд, если вы считаете, что это чайная роза — пусть будет чайная, если роза — значит роза. Я просто соглашаюсь с вами.

Сян Цзинъюань снова улыбнулся и не спеша продолжил:

— Тогда скажите, почему вы решили вышить именно розу?

— Потому что... я очень люблю розы, — господин Лю уже не решался говорить что попало.

— Почему вы любите розы?

— Потому что они яркие и красивые... — его выражение лица становилось всё более растерянным, в воздухе повисло едва уловимое напряжение. Господин Лю был близок к панике, в голове царил пустота. — У роз приятный аромат, они полезны для красоты, моя жена тоже их любит...

Сян Цзинъюаня этот ответ позабавил. Он откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и невольно задумался, как на этот вопрос ответил бы Фан Ичэнь.

Мысли внезапно застыли. Перед глазами, словно кадры из старого фильма, пронеслись воспоминания: красивый, но незнакомый сад, мальчик на корточках, который рисует на земле веткой розу за розой.

— Брат, почему ты любишь розы? — это был его собственный детский голос.

— Потому что... — мальчик поднял голову. Лица было не разглядеть, но на губах играла улыбка, точно такая же, как у Фан Ичэня.

Или, скорее, это у Фан Ичэня была улыбка, до боли похожая на ту, что была у того мальчика.

У Сян Цзинъюаня защемило в глазах. Он потянулся к мальчику, невольно выкрикивая имя Фан Ичэня, но тот то ли молчал, то ли улыбался ему в ответ.

Так в чем же причина?..

Сознание затуманилось, но видение начало рассеиваться, возвращая его в реальность. Он будто услышал, как господин Лю требует объяснений, почему он его подозревает.

— Потому что я знаю стиль Фан Ичэня, а вы — совершенно разные, — ответил он, всё еще пребывая в плену длинного сна.

Потому что...

— Он говорил, что роза символизирует любовь, жизнь и свет, выражает обещание и несет в себе надежду. Она нежна и страстна, романтична и величественна.

— Он говорил, что роза, как и человек, любит солнце — когда оно ярко светит, она благоухает еще сильнее.

С каждым словом мысли становились яснее, рассудок окончательно вернулся, и взгляд Сян Цзинъюаня вновь стал острым и пронизательным.

— Он говорил, что роза прекрасна, но на самом деле горда, как никто другой. Ее стебель прям и высок, она покрыта шипами, и к ней нельзя прикоснуться без почтения.

Господин Лю уже весь вспотел.

— Роза наделена столькими смыслами и ценностями, несет на себе груз похвалы и славы, она прекрасна, ярка и величественна, но в его сердце она остается простой, как любовь, как сам юноша.

Пальцы Сян Цзинъюаня нежно коснулись едва заметной розы на эскизе, но в его глазах вспыхнула опасная искра:

— Поэтому все его работы с темой розы пронизаны духом юности, а не показной роскошью. А ты, самодовольный идиот, ничего не понимая, посмел исказить его замысел!

— С чего ты взял, что любишь розы?

С этими словами он швырнул в лицо господину Лю те самые два эскиза, которые еще недавно висели на доске объявлений для сравнения.

Напряжение в кабинете достигло предела. Господин Лю дрожащими руками подобрал бумаги, опустив голову, бледный как полотно. Спустя долгое время он наконец выдал:

— Простите, господин Сян...

Услышав это, Сян Цзинъюань сжал кулак и с силой ударил по столу. Грохот заставил господина Лю вздрогнуть всем телом.

— Ты извиняешься не передо мной, — он закрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь подавить желание разорвать этого человека на куски. — Иди извинись перед Фан Ичэнем, а потом собирай вещи и убирайся вон. Цинъюнь не нуждается в таких людях.

Господин Лю хотел что-то сказать, но Сян Цзинъюань оборвал его:

— Я не позволю никому воровать его идеи и талант, и никто не поколеблет моего доверия к нему. — Он открыл глаза, в них сквозило нетерпение и холод. — Если еще раз вздумаешь плести интриги, я не буду так милосерден.

Для альфы извиниться перед бетой — значит растоптать собственное достоинство, это было унижительнее, чем просто увольнение. Господин Лю стиснул зубы и посмотрел на Сян Цзинъюаня.

Но он не мог тягаться с высокоранговым альфой, особенно с таким влиятельным и богатым.

Поэтому, с ненавистью сжав кулаки, он в унижении покинул кабинет президента.

Сян Цзинъюань выдохнул и позвал:

— А-Цяо!

— Что случилось, господин Сян? — секретарь Цяо тут же возник на пороге.

— Пусть отдел кадров подготовит документы на увольнение господина Лю. — Он привел эскизы в порядок: работы Фан Ичэня бережно убрал в ящик, а эскизы Лю отправил в корзину.

— И еще, принеси мне личные дела всех сотрудников. Тех, кто вчера активнее всех упражнялся в комментариях, отметь особо. — Он бросил взгляд в окно и добавил холодно: — Я начинаю сокращение штата.

— Слушаюсь, господин Сян, — секретарь Цяо кивнул. — Будут еще распоряжения?

Сян Цзинъюань на мгновение замер. Его выражение лица стало сложным, смешав в себе тревогу, ожидание и сомнение. Наконец, он решился:

— Наведи справки о Фан Ичэне. Мне нужны подробности.

— Слушаюсь, господин Сян.

Ближе к концу рабочего дня Фан Ичэнь торопливо помогал своим сотрудникам вносить правки в эскизы, как вдруг снаружи поднялся шум. Выглянув, он увидел, как господин Лю решительно направляется в их кабинет.

Фан Ичэнь приподнял бровь, жестом велел коллегам вернуться к работе, а сам с легкой улыбкой встретил гостя.

— Сяо Фан, прошу прощения, — почти сквозь зубы произнес Лю, но на лице его не было ни капли раскаяния, лишь напускная прямота. — Я был неправ в этой ситуации.

Даже несмотря на это, Фан Ичэнь был удивлен, но лишь на миг. Он улыбнулся и слегка кивнул:

— Ничего страшного, господин дизайнер. Если я дал вам повод для недопонимания, значит, и моя вина тоже есть.

Его поведение было безупречным, тон — вежливым, но без тени подобострастия. Однако в глазах господина Лю это выглядело как неприкрытое высокомерие и вызов.

Хмыкнув, он одарил его презрительным взглядом и, развернувшись, покинул кабинет.

Спустя десять минут на корпоративном форуме появилось сообщение об увольнении господина Лю и грядущем сокращении штата. Сопоставить факты было нетрудно, поэтому вчерашние «ораторы» сегодня покорно извинялись в комментариях, надеясь на милость младшего господина Сян.

Фан Ичэнь листал ленту, находя это забавным, но в глубине души почувствовал давно забытое тепло.

Сян Цзинъюань сегодня был в отличном настроении. Когда он выбежал из лифта, на его лице сияла улыбка. Сев в машину, он радостно спросил:

— Слышал, сегодня господин Лю извинялся перед тобой?

— От кого ты это услышал? — Фан Ичэнь сделал вид, что удивлен. — Я ничего об этом не знаю.

Улыбка Сян Цзинъюаня мгновенно исчезла. Он отвернулся и молча сжал кулаки.

Фан Ичэнь не выдержал и рассмеялся:

— Да шучу я, извинился он.

Сян Цзинъюань понял, что его разыграли. Он облегченно выдохнул, но всё же бросил на Фан Ичэня сердитый взгляд, после чего осознал, насколько уютная и интимная атмосфера возникла между ними.

Лицо снова предательски вспыхнуло.

— Сяо Цзин, — Фан Ичэнь завел мотор и с улыбкой позвал его.

— М? — сердце забилось чаще. Это был первый раз, когда он назвал его так.

— Завтра выходные. Как насчет того, чтобы сходить на свидание?

<http://bllate.org/book/19077/1873588>